
СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ARTICLES AND REPORTS

УДК 316.34

КРИЗИС И ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНОЕ РЕАГИРОВАНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СНИЖЕНИЯ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В СОЦИУМЕ

Г. М. ЕВЕЛЬКИН¹⁾

¹⁾Институт национальной безопасности Республики Беларусь,
ул. Зм. Бядули, 2, 220032, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные разновидности реагирования общества на кризисные явления (аномические, конфликтные, модернизационные). Характеризуется поведение различных категорий населения, а также их направленность и приоритеты. Отмечается, что для населения Беларуси наиболее характерно взвешенное поведение, ориентированное на совершенствование и модернизацию средств и подходов социально-экономического развития. Акцентируется внимание на необходимости активного изучения происходящих в обществе процессов и своевременное информирование органов власти для принятия обоснованных управленческих решений.

Ключевые слова: кризис; модели поведения населения; социальная аномия; социальный конфликт; творческий потенциал; модернизация; мониторинг социальных процессов.

CRISIS AND SOCIETY: SOCIAL RESPONSE AND DIRECTIONS FOR REDUCING CONFLICT POTENTIAL IN SOCIETY

G. M. EVELKIN^a

^aNational Security Institute of the Republic of Belarus, 2 Zm. Biaduli Street, Minsk 220032, Belarus

The main types of society's response to crisis phenomena (anomalous, conflict, modernisation) are considered. It characterises the behaviour of different categories of the population, their orientation and priorities. It is noted that the population of Belarus is most characterised by balanced behaviour, oriented to the future through improvement and modernisation

---

Образец цитирования:

Евелькин ГМ. Кризис и общество: социальное реагирование и направления снижения конфликтности в социуме. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2021;2:4–12.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-4-12>

For citation:

Evelkin GM. Crisis and society: social response and directions for reducing conflict potential in society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;2:4–12. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-2-4-12>

Автор:

Георгий Михайлович Евелькин – доктор социологических наук, профессор; профессор специальной кафедры.

Author:

Georgiy M. Evelkin, doctor of science (sociology), full professor; professor at the special department.
lag121@mail.ru

of funds and approaches of socio-economic development. It emphasises the need to actively study the processes taking place in society and the timely information of the authorities to make informed management decisions.

Keywords: crisis; population behaviour models; social anomaly; social conflict; creativity modernisation; monitoring of social processes.

Введение

Как известно, первоосновой экономической и социальной политики государства являются права и обязанности граждан. В них входят политическая, экономическая, социальная, духовная, территориально-природная, этнологическая и пространственно-временная составляющие. Взаимодействие

между ними обеспечивает порядок и стабильность в обществе и государстве. Одним из проявлений любого кризиса является резкое ухудшение социально-экономического положения в стране. Социальная реакция населения в этих условиях отличается значительным многообразием.

Многообразие социального реагирования

Социальное реагирование на кризисные процессы чаще всего выражается в трех формах:

- 1) социальной стагнации и аномии;
- 2) социального конфликта;
- 3) модернизации на основе активизации творческого потенциала, направленного на развитие существующего экономического потенциала.

Социальная стагнация и аномия. Данная форма социального реагирования является следствием экономического спада и застоя в производстве и торговле, приводящих к банкротству предприятий, росту безработицы, резкому снижению уровня доходов населения и повышению его неплатежеспособности, что приводит к напряженности в обществе и его поляризации. У определенной части населения проявляются крайние формы эгоцентрического поведения, происходит размывание традиционных социальных ценностей и формирование новых представлений о взаимных обязательствах, основанных на круговой поруке, связанности единым бизнесом, клановости, корпоративных связях и взаимной выгоде, родственных обязательствах и т. п.

Помимо экономических маргиналов, появившихся в результате спонтанных, чрезвычайных преобразований, существуют группы «запланированных» маргиналов, к числу которых относятся молодежь и пенсионеры. И те и другие, как правило, стоят на краю экономической структуры общества. Молодые люди стремятся получить модные профессии, которые, по их мнению, обеспечат им высокий доход, проявляют амбициозность. Пенсионеры не желают терять тот уровень удовлетворения материальных потребностей, которого они уже достигли. В бедственном положении, как правило, находятся и неквалифицированные работники.

Неустойчивое, кризисное состояние общества приводит к *аномии*, т. е. к дезорганизации и дисфункциональности основных социальных институтов, утрате действенности традиционных социальных норм, распаду правовых норм, крушению

системы регулирования путей и способов достижения индивидуальных и групповых целей. Некоторая часть общества, зная о существовании конкретных норм поведения и деятельности, игнорирует их, относится к ним негативно или равнодушно.

Анализ изменений, произошедших в последнее время в духовной сфере постсоветского социума, позволяет говорить об определенной переориентации ценностей, стремлении части общества к высвобождению от традиционных нравственных императивов. Прослеживается опаснейшая тенденция: извечные, непреходящие человеческие ценности (порядочность, щедрость, сострадание и др.) цинично подменяются жестокостью, вседозволенностью, насилием и алчностью. Разрушаются базовые элементы культуры, прежде всего в аспекте моральных и этических норм. Эти явления, затрагивая все слои населения, особенно сильно воздействуют на молодежь.

Рассматривая социальные конфликты и катастрофу, Е. М. Бабосов акцентирует внимание на том, что аномия – это отсутствие четкой системы социальных норм, разрушение единства культуры, вследствие чего жизненный опыт людей перестает соответствовать идеальным общественным нормам [1].

Из материалов социологических исследований на постсоветском пространстве следует, что для аномических явлений в условиях кризиса характерна неудовлетворенность населения ситуацией в конкретной сфере общественной жизни, приводящая к массовым проявлениям эмоциональной напряженности и социального возбуждения. Подобные настроения проявляются как в стихийных массовых действиях (ажиотажном спросе, скупке товаров и продуктов питания в целях создания страховых запасов на черный день и т. д.), так и в различных конфликтах, митингах, демонстрациях, забастовках и иных формах гражданского неповиновения и протеста, а также в вынужденной и добровольной

миграции в другие регионы и за границу. Для достижения своих целей люди используют как легитимные, узаконенные и одобряемые обществом средства, так и нелегитимные, но эффективные, ведущие к успеху любым путем.

В условиях кризиса потребление выступает разновидностью социального поведения: граждане опираются не столько на свою индивидуальную позицию, сколько на общие, устоявшиеся социальные паттерны и практики. В рамках идеологии потребления деформируются основные механизмы социализации. Понятие социальной мобильности становится функционально зависимым от понятия потребительской мобильности, социальные стратификации наполняются новым содержанием, связанным главным образом с потребительскими возможностями индивидов. При этом потребление может выступать как в качестве конкретной стратегической цели, так и в качестве средства, обеспечивающего статусные, демонстративные и иные потребности индивида. Особенно характерно это явление для современной молодежи. В потребительском поведении эгоистические мотивы присутствуют в таких формах, как приобретение вещи ради эпатажа, скрытное потребление (чтобы не пришлось делиться с другими).

Как совершенно обоснованно утверждают многие исследователи, конечным результатом развития психологии потребительства становится то, что цель жизни каждого человека начинает трактоваться не как стремление к счастью, любви, душевной гармонии, а смысл существования человечества – не как социальный и духовный прогресс. Человек превращается в «потребительскую машину». Люди забывают о главном: что жизнь – это не совокупность окружающих вещей, не их бездумное присвоение, а вечное стремление к красоте и истине. На основе подобной фантомной психологии формируется определенное общественное сознание и порождаются конкретные типы фантомных личностей, сознание которых основано на жажде власти, славы и богатства. Наблюдается резкий рост негативизма в отношениях между различными слоями населения и количества конфликтов, снижается уровень доверия к органам власти и управления.

В то же время аномическое сознание в кризисных ситуациях характерно далеко не для всего населения: у подавляющей его части в кризисной ситуации формируется как *негативное*, так и *позитивное антикризисное мобилизационное сознание*, которое ориентировано на активную самозащиту и жизненную перспективу с использованием разнообразных средств, методов и приемов противодействия сложившейся ситуации.

Социальный конфликт. В обстановке социальной и экономической напряженности антикризисное сознание, соответствующая ему эмоциональная нега-

тивная оценка настоящего и прогнозирование возможности его преобразования в более комфортное будущее формируют у определенной части населения тенденции к активной *негативной мобилизации*, ориентированной на противодействие складывающейся ситуации, и проявлению *социальной агрессии и конфликтности поведения*.

Негативная мобилизация – это механизм интеграции населения, обусловленный ростом диффузного массового раздражения, страха, ненависти, которые сопровождаются чувствами общности на основе появления «врага», при перспективах нежелательного развития событий [2]. Негативная идентичность реализуется посредством формирования образа врага, разделения мира на «своих» и «чужих», когда ответственность за собственные неудачи возлагается на *Другого*, а сами неудачи представляются как результат происков врагов. Это напряжение накапливается до тех пор, пока не выливается в групповые взрывы агрессии различных типов и уровней интенсивности, высвобождая накопившуюся энергию неудовлетворенности и недовольства в конфликте.

Диалектическая теория трактует конфликт как естественную и неизбежную часть целостности социальных взаимоотношений людей. Согласно этой теории, конфликтное взаимодействие присуще всем уровням жизни социальных систем. И в этом плане конфликт не есть противоположность порядка. Это своеобразный «парник», в котором «выращиваются» общественные нововведения и реформы. Мир состоит в созидательном общении с конфликтом.

В этом контексте модель социально-политического конфликта между обществом и властью представляет собой систему статических и динамических параметров. Его составляющими являются участники конфликта – *основные и косвенные* – и его предмет. В последние десятилетия повышаются социально-политическая активность и значимость различного рода общественных движений, в которые включаются граждане, не удовлетворенные деятельностью местных органов власти, руководителей предприятий и организаций, тех или иных государственных институтов, политических партий и профсоюзных объединений. Социальная база таких движений аморфная и пестрая. В рамках подобных движений активно формируются своя идеология и мораль, позволяющие определить цели и направления деятельности объединения людей, обозначить регуляторы внутригруппового поведения и взаимной поддержки.

Как отмечает А. В. Рубанов, всесторонне исследовавший данную проблему, значимость этой групповой деятельности нельзя преуменьшать [3]. Так, формирование определенного группового церемониального поведения (массовые митинги, собрания, демонстрации, юбилейные церемонии) состоит в создании психологии парада, позволяющей

каждому участнику испытать чувство широкой поддержки, которое ведет к росту его самооценки, стимулирует энтузиазм и энергию участников движения. Наличие специальной атрибутики, состоящей из набора эмоциональных символов (лозунги, песни, марши, здравицы, гимны, стихи, выразительные жесты, значки, флаги, униформа и т. п.), способствует самоидентификации и самоутверждению представителей объединения среди массы иных людей. В условиях кризиса, радикальных экономических и социально-политических перемен происходит политизация независимых профсоюзов и наблюдается стремление вхождения их представителей во властные элиты и во власть вообще. На этой основе наблюдается активное противоборство между так называемыми «независимыми» и «официальными» профсоюзами.

Анализ социальных процессов показывает, что основными предпосылками возможного конфликтного социально-политического поведения населения являются:

- 1) социально-экономические проблемы в стране и конкретном регионе;
- 2) несоблюдение декларированных конституционных прав;
- 3) ощущение социальной ущербности и бесперспективности;
- 4) проведение социально-экономических и политических реформ без соответствующих четких нормативных документов;
- 5) снижение уровня жизни значительной части населения.

Одним из ведущих конфликтогенных факторов является противоречие между интересами, которые выражает власть, и интересами населения.

Как образно, но совершенно справедливо отмечает А. В. Рубанов, «состав социального движения подобен луковице. Его ядро образуют участвующие в движении по убеждению. За ними следует слой сочувствующих. Далее те, кто просто ищет смысл в жизни. Наконец, карьеристы, примкнувшие к движению в надежде на выгоды, которые, как они предполагают, последуют за победой. При поражении верхний слой луковицы отпадает первым, а за ним и все последующие» [3, с. 110].

Одной из наиболее распространенных форм реагирования населения на различные социально значимые явления являются стихийные массовые проявления. В контексте обозначенных положений, характеризующих ситуации зарождения, формирования и развития конфронтационных процессов на уровне населения, важно обратить внимание на широко известные формы группового и массового

поведения, чаще всего называемого стихийным, которые, по сути, могут выступать в качестве протеста населения, отличающегося рядом закономерностей как психологического, так и социального характера.

Основываясь на материалах многочисленных работ, можно утверждать, что конфликтное противостояние протестующей улицы и официальных властей вскрывает наиболее важные экономические, политические и социокультурные процессы. Протестное поведение связано с критикой и отрицанием доминирующих идеалов и ценностей, преобладающих в конкретный период общественного развития.

Однако в современных условиях массовые проявления часто носят *спектаклярные* формы. Анализируя их с позиции технологического подхода, исследователи обращают внимание на ряд преимуществ и недостатков протестных действий¹. К числу преимуществ они относят высокую степень организованности и экономичности, поскольку при относительно небольших затратах, как людских, так и материальных, достигается медийность, таким образом выражающее несогласие население получает возможность заявить о себе и привлечь внимание общественности к определенным социальным и политическим проблемам. В условиях активного роста роли информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей к спектаклярным формам протеста добавляется новый тип протестной активности – виртуальный.

Усугублению кризисных проявлений способствует и то, что независимо от доминирующего типа политической культуры в любом обществе функционирует *антиэлита*, определенная часть которой (занимающая средние и высшие позиции в обществе) нуждается в значительных объемах свободы (мелкий и средний бизнес, творческая, академическая, научная и научно-техническая интеллигенция, объединения фанатов и т. д.). Ограничение свобод этой категории социума (явное или скрытое) опасно, так как ее субъекты отличаются высокой социальной и политической активностью, имеют широкую аудиторию.

Модернизация на основе активизации творческого потенциала, направленного на развитие существующего экономического потенциала. Рассматривая третью из выделенных нами форм социального реагирования в кризисных условиях, необходимо обратить внимание на то, что и *стагнация*, и *регресс*, и *прогресс* не существовали по отдельности в человеческой истории. У значительной части населения в период экономического кризиса проявляются склонность к активизации своей жизнедеятельности и стремление к взаимодействию

¹Зайцева А. Спектаклярные формы протеста в современной России: между искусством и социальной терапией // Неприкосновенный запас. 2010. № 4 (72). С. 47–69 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/4/> (дата обращения: 03.08.2018) ; Почепцов Г. Революция com. Основы протестной инженерии. М. : Европа, 2005. 532 с. ; Савченко И. А. Политический протест в современном обществе: технологический подход // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 252–255.

и сотрудничеству с другими людьми, находящимися в аналогичной жизненной ситуации. По данным российских и белорусских социологических исследований, в последние годы среди населения растет слой тех, чье сознание ориентировано на активное экономическое поведение, поиск путей и способов повышения собственного благополучия с помощью активных действий.

В противовес кризисному сознанию в обществе активно проявляется *стабилизационное антикризисное сознание*, выражающее стремление людей к укреплению духовных основ своей жизни и этико-культурных принципов социального порядка. Другими словами, в кризисной ситуации в обществе формируется *сознание*, ориентированное не столько на самозащиту, сколько на *жизненную перспективу, социально-экономический прогресс и саморазвитие в перспективе*. В этом контексте личность начинает соотносить неудовлетворенность своим положением как с существующей социально-экономической ситуацией, так и с вероятностной перспективой ее позитивного изменения, т. е. со стратегическими *целями* общественного развития и *путиами* их достижения.

Конструктивные антикризисные жизненные стратегии, формирующиеся у представителей различных социальных групп и слоев населения, основываются не только на оценке текущей ситуации в стране, но и на вероятностном прогнозе позитивных перспектив, а также на осознании своего собственного места и роли в изменении экономических условий. Исходя из индивидуальных и групповых представлений о складывающихся обстоятельствах, конкретное социальное сообщество оценивает свое реальное статусное, экономическое и духовное благополучие и формирует рациональное и эмоциональное мнение о желаемой стабильности и перспективе социально-экономического развития, а также о возможной направленности и потенциальной эффективности собственной деятельности и деятельности власти.

Перечисленные позиции распределяются в рамках трех основных векторов перспективного исторического развития общества и государства: *традиционном, эволюционном и модернизационном*. При этом окраска таких перспектив тесно связана с рациональным жизненным опытом и эмоциональными оценками настоящего времени.

Процесс социально-экономической трансформации способствует мобилизации внутренних возможностей определенной части населения и *совместным действиям* по разрешению сложившейся ситуации. Эта *конструктивная адаптационная стратегия* ориентирована на достижение позитивных результатов, несмотря на экономический кризис и настроения подавленности и безысходности

у людей. Подобная жизненная стратегия вовлекает граждан в активные собственные поиски и воспринимается ими не только как проблема общества и государства, но и как личная проблема.

Конструктивная антикризисная напряженность мобилизует население на активное формирование и освоение *социокультурных инноваций*. Люди объединяются для выхода из кризисного состояния собственными силами на основе как традиционных, так и вновь формирующихся представлений, которые (на их взгляд) наиболее адекватны складывающейся социально-экономической ситуации. Часть этих представлений сосредоточена на воссоздании ранее существовавших, исторически сложившихся способов, приемов жизнедеятельности и основана на вере в непоколебимость дедовских устоев – ремесла, земледелия, скотоводства и т. п. Другая часть отдает предпочтение своим изменившимся интересам и с наименьшим добавлением новизны стремится создать условия для удовлетворения новых потребностей собственными силами (агро- и экотуризм, рыбхозы, придорожные кафе и т. п.). Во всех этих случаях проявляется ориентация на изменение элементов окружения, на их приспособление к собственным потребностям, а там, где это оказывается невозможным, – на переориентацию запросов, но в модернизационном, а не в традиционном направлении.

Социологические и социально-психологические исследования дают основание утверждать, что в противоположность кризисному сознанию, изначально тяготеющему к иррационализму, антикризисное – тесно связано с верой в разум и, соответственно, с той или иной формой рационализма, а временами и сциентизма – убеждения в неограниченных возможностях науки.

Многочисленные социологические опросы населения на постсоветском пространстве показывают, что число тех, кто выступает за радикализм в экономическом и социально-политическом развитии, в два-три раза меньше количества сторонников взвешенного варианта социальных и экономических преобразований. При этом подавляющая часть населения поддерживает эволюционные преобразования в обществе и государстве, направленные на инновационное совершенствование экономической и социальной жизни. Это еще раз указывает на то, что одним из следствий социальной напряженности и стагнации является *позитивная социальная ориентированность населения на преобразования и его психологическая готовность к мобилизации*² своих внутренних возможностей для соучастия в этом процессе. Ее истоком выступает позитивно ориентированное общественное (индивидуальное, групповое) мнение определенной части общества, предполагающее безусловное принятие декларируемых

²Мобилизация (фр. *mobilisation*, от лат. *mobilis* – подвижный) – приведение кого-либо или чего-либо в активное состояние, сосредоточение сил и средств для достижения какой-либо цели (Прохоров М. А. Большой энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл.; СПб. : Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.).

властью целей и путей социально-экономического развития на основе осознания:

1) наличия потенциальных или реальных угроз социальной стабильности, устойчивому экономическому развитию;

2) необходимости противодействия потенциальным и/или реальным угрозам нежелательного развития социально значимых событий и явлений;

3) способности и возможности индивидуально и/или коллективного (группового) противодействия, противостояния этим угрозам и вызовам;

4) четко сформулированных целей и путей их достижения;

5) наличия потенциальных или реальных средств достижения поставленных целей.

Фундаментальной особенностью такой позитивно настроенной категории населения является то, что основой жизненной позиции для нее являются взвешенный консерватизм, признание и принятие своего социокультурного пространства и стремление опираться на собственные исторические корни и традиции.

При этом, в отличие от западно-европейского и американского взглядов на консервативность, восточный и азиатский консерватизм не противопоставляют традиции и преобразования, пытаются синтезировать на их основе наиболее адекватный действительности подход к развитию общества и государства.

Сущность консервативной модели развития с позиции этнокультурных моделей Восточной Европы, Востока и Азии заключается не в слепом подражании западной модели развития, а в решении проблем развития с опорой на собственные историко-культурные традиции.

Подобный традиционализм предполагает опору на нормы, выработанные в низах и затем закрепленные в законе. Закон – это следствие накопленного опыта самоорганизации общества (в том числе межэтнического и межконфессионального). В основе такого подхода лежит диалектика взаимодействия личности и общества в системе конкретного государственного образования.

Диалектическая система *гражданин – общество – государство* на постсоветском пространстве формируется и развивается по собственному социокультурному пути, отличному от западного в поли-

тическом и духовно-нравственном аспектах. Эта модель в корне отличается от либеральной модели *гражданского общества*.

Основными принципами ее жизнедеятельности являются: преемственность в развитии, эволюционность и инновационность, труд, активность, целенаправленность жизнедеятельности, социальная защищенность, законность, безопасность. Они являются основой для проявления чувства исторического и духовного единства в развитии общества, что создает предпосылки для формирования того, что называется патриотизмом³.

В данном контексте важно указать черты формирования позитивной просоциальной мобилизованности:

1) чувство гражданственности, признание общественным сознанием легитимности власти, единства с властной системой. Это определяющий фактор. В социальной мобилизованности реализуется идея, овладевшая массами и ставшая материальной силой;

2) ориентированность на социально значимые ценности и цели, а также на морально и нормативно оправданные средства и методы их достижения;

3) инновационность⁴ мышления и творческий подход к решению возникающих в период кризиса экономических и политических проблем.

В своем интегрированном виде позитивная просоциальная мобилизованность проявляется в осознанной активности индивидов, групп и общества в целом с преобладанием в ценностном сознании людей духа патриотизма, гражданственности, групповой солидарности, просоциальной мотивации труда, учебы, спорта и других общественно значимых и социально ценных видов деятельности. Такая мобилизованность предполагает активное групповое взаимодействие, поддержку друг друга на основе осознания эффективности коллективного действия по достижению социально значимых целей. Функционально высокая социальная мобилизованность проявляется как трудовой энтузиазм, морально-патриотический дух, профессиональная гордость, ценностное восприятие индивидом своего вклада в достижение единых целей.

Носители инновационного сознания формируют в своих представлениях несколько возможных направлений выхода из состояния стагнации, отдавая

³Патриотизм (гр. *patris* – Родина, Отечество) – любовь к своему Отечеству, преданность своему народу и ответственность перед ним, готовность к любым жертвам и подвигам во имя интересов своей Родины; разг. преданность чему-либо, горячая любовь к чему-либо (Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 2000. Т. 2. 1084 с.). Подлинный патриотизм включает в себя борьбу за лучшее будущее для народа и социальный прогресс (Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний. М. : ООО ИФ «Азбуковник», 2008. 1040 с.).

⁴Инновация – буквально инвестиции в новации, вложение средств в разработку новой техники, технологии, научные исследования (Словарь делового человека / О. В. Амуржаев [и др]. М. : Экономика, 1992. 236 с.). Новация (от позднелат. *novatio* – обновление, изменение) – что-либо новое, только что вошедшее в обиход, новшество. В гражданском праве – соглашение сторон о замене одного заключенного ими обязательства другим (Прохоров М. А. Большой энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл. ; СПб. : Ленингр. галерея, 2002. 1628 с.).

в дальнейшем предпочтение одному из них. Среди этих направлений отметим следующие:

- 1) ориентация на себя, собственные инновационные способности и возможности, самореализацию (самозанятость);
- 2) достойный наемный труд;
- 3) собственное производство, предпринимательство;
- 4) бизнес;
- 5) творчество;
- 6) общественная деятельность, реализация в общественно полезном труде;
- 7) управление, менеджмент, политика, ориентированная на социальное развитие и прогресс.

В указанных стилях поведения проявляются признаки как индивидуальных, так и групповых антикризисных стратегий жизненного поведения населения, которые определяются не только психологическими особенностями личности, но и социокультурными условиями ее жизнедеятельности.

В этом контексте необходимо обратить внимание на то, что личности с антикризисным сознанием стремятся к свободе и самореализации в конкретных сферах жизнедеятельности, не боятся риска, обладают природным умом, нацелены на самообразование, способны проявлять волевые качества в сложных условиях. Большинство из них – хорошие коммуникаторы и готовы работать как в одиночку, так и в команде.

По мнению О. В. Кобяка, инновационный образ мышления является, с одной стороны, предпосылкой формирования инновационной культуры социального субъекта, а с другой – он сам развивается на основе содержащихся в культуре норм и правил организации нововведений. Внешним проявлением мыслительных процессов по поводу осуществления инноваций выступает инновационное поведение индивидуальных или коллективных социальных субъектов, связанное с обновлением способов либо преобразованием объектов их деятельности [4].

С. А. Шавель обоснованно акцентирует внимание на том, что для субъектов активного действия (индивида, группы, социума) риск не сводится к учету неблагоприятных факторов и их элиминированию, включая и информационную неопределенность изменившихся обстоятельств, хотя в большинстве случаев именно эта сторона обуславливает возможности выживания и дальнейшего развития [5]. Однако в истории и повседневной жизни не меньшее значение имеет и вторая сторона риска, а именно то, что благодаря антиципации (предвосхищению) вероятности позитивного исхода того или иного замысла риск становится важнейшим мотивом деятельности. Инновационная деятельность, как правило, направлена на изменение технологии, логики, методов, рецептуры, в силу чего исходно связана с определенным уровнем риска.

Одной из характерных черт позитивной социальной мобилизованности, ориентированной на общество и государство, является то, что в сознании населения присутствуют, а в поведении реализуются такие социальные ценности, как терпимость, толерантность (бел. *памяркоўнасць*), уважение к окружающим и готовность работать в команде [6].

В белорусском обществе сегодня проявляются признаки позитивной социальной мобилизованности, ориентированной на общество и государство, наблюдаются тенденции консолидации населения на основе культурного единства, территориальной и гражданской принадлежности. Просоциальная антикризисная мобилизованность выражена во взаимодействии пяти основных компонентов: инициативы, инноваций, традиционности, оптимизма, настойчивости.

Беларусь, в отличие от многих стран постсоветского пространства, не окунулась в поток размежевания по национальному признаку, а наоборот, смогла сориентироваться на консолидацию населения в решении проблем выхода из кризиса и совместном участии в строительстве нового государства. Это обусловлено историческими предпосылками, относящимися как к далекому прошлому, так и к военному и послевоенному периодам жизни нашего общества. Так сложилось, что после Великой Отечественной войны Беларусь восстанавливали все народы СССР. Совместно развивались как национальная, так и интернациональная культура народов и этносов. К. С. Малевич, В. Г. Мулявин, В. С. Караткевич, А. Е. Макаёнок и многие другие деятели культуры и науки воспринимались и воспринимаются народом как представители единой белорусской культуры. Это прослеживается в настроениях основных национальных групп (белорусов, русских, украинцев, поляков) и социальных страт.

Другим признаком консолидации общества является то, что белорусы испытывают потребность в комфортности общежития, стремятся избегать конфликтов и противостояний.

Наша страна явно повернулась в сторону рыночного развития, причем это касается самого населения (а не номенклатурной или криминальной элиты), происходит государственно регулируемый процесс вхождения в новую систему отношений.

Особенностью социально-экономической ситуации в Республике Беларусь является то, что население начинает признавать перспективность рыночных реформ, но при этом отвергает российский или украинский вариант криминального передела собственности. Оно признает возможность и значимость преобразований в традиционном духе общины. Но это не традиционные рыночные отношения, а специфические белорусские, когда позитивно воспринимаются успехи рыночной деятельности ближайшего окружения («рыночность с мозолями

на руках») и настороженно – успехи далекого соседа. В Беларуси этот процесс больше напоминает родовое изменение психологии в сторону рынка в отличие от российского корпоративного объединения на уровне рационального осознания значимости партнера. Выдвинутый российской олигархической элитой лозунг «У нас нет врагов, но есть вечные интересы» в Беларуси звучит как реакция на попытки внешнего давления: «Не мешайте нам жить, а как жить, мы разберемся сами». И в этом есть специфика белорусской среды, которая никогда не воспринимала быстрых перемен, а всегда не-

сколько отстраненно взирала на любые инновации, долго «ощупывая» их на предмет приемлемости для себя.

Парадокс общественного сознания в Беларуси заключается в том, что оно однозначно (устойчиво) ориентировано на единение (если не на единство) с россиянами, славянами в рамках стратегических ценностей, но вместе с тем – и на европейский опыт, который оценивается как более цивилизованный, культурный (тогда как рыночные реформы в России однозначно воспринимаются как исходно криминальные, преступные, нечестные и т. п.).

Мониторинг социальных процессов – основа взвешенных управленческих решений

В условиях социально-экономического кризиса позитивно настроенная часть населения ориентирована на прогрессивные инновации, широкое внедрение достижений научно-технического прогресса в повседневную и производственную жизнь. Эта категория хотя и настороженно, но с определенной долей удовлетворения воспринимает конкретные изменения в различных сферах общественного устройства государства (идеологии, экономике, политике, армии, праве, науке и т. д.).

В данном контексте важно обратить внимание на активные разработки различных подходов к изучению социально-экономических, политических и информационных процессов в обществе и государстве. Так, А. Н. Данилов, рассматривая переходное общество, акцентировал значимость социологического познания происходящих процессов⁵. В свою очередь, Д. Г. Ротман с коллегами обосновал и конкретизировал методологию жестко практической направленности – оперативные социологические исследования⁶.

Специфика социальных процессов, закономерности становления и развития общества и государства определили характер формирования целого ряда условий и требований к современному социологическому исследованию, выступающему в качестве синтезатора и поставщика информации, используемой для принятия важнейших управленческих решений.

В ряде работ С. А. Шавеля сформулированы современные требования к социологическому сопровождению управленческой деятельности на местном и государственном уровнях⁷. В монографии «Общественная миссия социологии» большое внимание уделено методологии социологических исследований, роли социологии в белорусском обществе, а в коллективной работе «Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки» даны фундаментальные основы полевых исследований в Беларуси.

В работах белорусских ученых представлены оригинальные методологические подходы и методики оценки уровня социальной напряженности в обществе, комплексная методика изучения информационного поля, научные технологии сложных рейтинговых замеров в политическом и информационном поле и иные методические подходы социологического исследования⁸.

Исследования последних лет показали, что система индикаторов мониторинга должна быть ориентирована на решение как научных, так и информационно-аналитических, практико-ориентированных задач, а включенные показатели – отражать признаковое пространство всех сфер общественного функционирования (политической, экономической, социальной, социокультурной, территориально-природной, этнологической и пространственно-временной), позволяющее фиксировать объективные условия для принятия обоснованных и взвешенных управленческих решений.

⁵Данилов А. Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. Минск : Беларуская навука, 1997. 431 с.

⁶Ротман Д. Г., Данилов А. Н., Новикова Л. Д. Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации. Минск : БГУ, 2001. 353 с. ; Ротман Д. Г., Правдивец В. В. Методы социологического изучения особенностей функционирования политического поля. Минск : БГУ, 2007. 139 с.

⁷Шавель С. А. Общественная миссия социологии. Минск : Беларуская навука, 2010. 404 с. ; Шавель С. А., Бородачева Е. М., Леонов Н. Н. Методологическое обоснование республиканской репрезентативной выборки. Минск : БТН-информ, 2001. 98 с.

⁸Бабосов Е. М. Основы идеологии современного государства. Минск : Амалфея, 2004. 352 с. ; Правдивец В. В., Ротман Д. Г., Русакевич В. В. Информационное поле Республики Беларусь. Структура и подходы к изучению. Формирование и развитие. Минск : Зималетто, 2009. 184 с. ; Ротман Д. Г. Избранное. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. 386 с. ; Соколова Г. Н. Экономическая реальность в социальном измерении: экономические вызовы и социальные ответы. Минск : Беларуская навука, 2010. 460 с. ; Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей» / Д. Г. Ротман [и др.] ; под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск : БГУ, 2009. 231 с.

Заключение

Итак, основой функционирования любого государства является взаимодействие граждан, общественных объединений и органов власти и управления. Это взаимодействие, диалектическое по своему содержанию, ориентировано на стабильное и устойчивое развитие общества и государства. Такая позиция основана на паритете интересов всех участников данных взаимоотношений и предполагает стремление общества к стабильности путем реализации национальной идеи и исторически сложившихся консолидирующих ценностей. При этом практическая составляющая вопроса четко указывает на то, что состояние стабильности не синонимично состояниям неизменности и неподвижности. Неподвижность является, как правило, не признаком стабильности, а признаком застоя, который ведет к социальной напряженности. В научном смысле социальная стабильность – это устойчивость социальных структур общества и государства, социальных процессов и отношений, которые при всех изменениях сохраняют качественную определенность и целостность социальных и политических компонентов государственной системы. Стабильность представлена:

- 1) внутренней стабильностью социальных систем (институтов, организаций, сообществ и т. д.);
- 2) стабильностью взаимосвязей и взаимодействий социальных и политических систем;

3) стабильностью всего общества и государства как интегративного представителя общественно-го сознания (включая политическую, экономическую, социальную и духовную стабильность в конкретный период и в перспективе).

Таким образом, социально-экономическая и политическая стабильность – это устойчивое *воспроизводство социальных, экономических и политических отношений в рамках определенной целостности самого общества и государства*. Причем это воспроизводство не есть простое повторение предыдущих ступеней – оно неизменно включает в себя элементы изменчивости и роста. В силу этого проблема стабильности и устойчивого развития общества требует постоянного внимания как научного сообщества, так и системы государственного управления, особенно в условиях экономического кризиса.

На государство и представляющие его органы власти и управления возлагаются фундаментальные задачи по рациональному управлению общественными процессами, своевременному определению тактики и стратегии развития, а также решению текущих проблем. Это возможно только на основе достоверного владения информацией о реальном положении дел во всех сферах государственного организма, ее глубокого осмысления и тщательного анализа, а также разработки реальных программ развития и определения способов их реализации.

Библиографические ссылки

1. Бабосов ЕМ. Катастрофа как объект социологического анализа. *Социологические исследования*. 1998;9:19–25.
2. Гудков ЛД. *Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов*. Москва: Новое литературное обозрение; 2004. 816 с. Совместно с издательством «ВЦИОМ-А».
3. Рубанов АВ. *Социология массового поведения*. Минск: БГУ; 2011. 159 с.
4. Кобяк ОВ. *Экономическое поведение хозяйствующего субъекта: социологический анализ*. Соколова ГН, редактор. Минск: ФУА-информ; 2002. 168 с.
5. Шавель СА. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций. *Социология*. 2015;3:47–56.
6. Шавель СА. Феномен Homo Patiens – человек терпеливый: социологический анализ. *Социология*. 2012;2:108–122.

References

1. Babosov EM. [Catastrophe as an object of sociological analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1998;9:19–25. Russian.
2. Gudkov LD. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997–2002 godov* [Negative identity. Articles from 1997–2002]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2004. 816 p. Co-published by the «VCIOM-A». Russian.
3. Rubanov AV. *Sotsiologiya massovogo povedeniya* [Sociology of mass behaviour]. Minsk: Belarusian State University; 2011. 159 p. Russian.
4. Kobyak OV. *Ekonomicheskoe povedenie khozyaistvuyushchego sub'ekta: sotsiologicheskii analiz* [Economic behaviour of an economic entity: sociological analysis]. Sokolova GN, editor. Minsk: FUA-inform; 2002. 168 p. Russian.
5. Shavel SA. Risk daring: philosophical and sociological aspects of innovations. *Sotsiologiya*. 2015;3:47–56. Russian.
6. Shavel SA. Homo Patiens phenomenon – patient person: sociological analysis. *Sotsiologiya*. 2012;2:108–122. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.02.2021.
Received by editorial board 11.02.2021.